

Вождь Чунцзиня заблаговременно подкупил военачальника Линь Цзяня и, действуя с ним заодно, совершил ночной налёт на лагерь, застав войска Юй врасплох.

Поредевшее и измотанное войско Юй, несмотря на недавнее вливание свежих сил, совершенно не могло выдержать таранного удара железной конницы Чунцзиня. У чунцзиньцев не было боевых барабанов, их заменяли дикие, бьющие в самое небо вопли всадников. Лошади лавиной мчались со всех сторон, и этот натиск, подобный раскатам грома, начисто смёл весь лагерь.

Жаровни и пиалы с вином полетели на землю, палатки мгновенно вспыхнули, и столбы ревущего пламени взвились к небесам.

В отсветах этого пожара Чжэнь Вэньцзюнь увидела, как одному из воинов чунцзиньский конник единым махом снёс голову по самые плечи. Труп рухнул прямо на стоявшую рядом повозку. Вэньцзюнь молниеносно юркнула под днище телеги, и свалившееся сверху тело мертвеца надёжно и плотно укрыло её от чужих глаз.

Ей уже доводилось лишать людей жизни, и к жестокости войны она мысленно готовилась, но эта внезапная, беспощадная резня вмиг лишила её всякого присутствия духа, заставив думать лишь о спасении собственной шкуры.

Она сжалась под повозкой, а вокруг не утихал истошный, крошечный крик погибающих людей. Совершенно не готовые к бою полки Юй напоминали сочный кусок мяса под безжалостным тесаком Чунцзиня. Обезумевшие от ужаса новобранцы и уцелевшие ветераны без всякого порядка и тактики бросились врассыпную, и о едином строе не могло быть и речи. Чжансунь И среди этого хаоса пытался во весь голос призвать людей к порядку и заставить их поднять оружие, но его отчаянный крик в ту же секунду бесследно утонул в общем вое и воплях, напоминавших стенания злых духов.

Никто не слушал его команд, ни у кого в мыслях не было контратаковать. Сам Чжансунь И, будучи военным советником, сжимал в руках длинный палаш и лично успел подрезать ноги нескольким чунцзиньским коням. Но едва он набрал в лёгкие воздуха, чтобы выкрикнуть очередной приказ, как на него на полном скаку налетел вражеский конник. Используя всю мощь несущегося скакуна, варвар нанёс ему сокрушительный удар мечом, распластав спину от плеча до поясицы и едва не разрубив надвое. Чжансунь И покачнулся и рухнул навзничь, его широко распахнутые глаза остекленели, и он больше не смог проронить ни звука. Всадник же без малейшего промедления ворвался в гущу толпы. Безудержно вращая клинок и собирая кровавую жатву, он упивался этой бойней. Его одежды сплошь окрасились багрянцем, а сердце ликовало, когда он разразился диким, торжествующим хохотом.

В этой битве армия Юй потерпела катастрофическое поражение. Из уцелевших к началу боя шестидесяти тысяч воинов сорок тысяч были вырезаны прямо на месте. Около десяти тысяч женщин из обоза и подростков варвары угнали в плен, чтобы сделать из них лагерных рабынь и наложниц, а оставшаяся десятитысячная горстка разбитых солдат разбежалась по лесам и ущельям. Командующий Вэй Юнь и военный советник Чжансунь И пали в бою, а военачальник Линь Цзянь переметнулся на сторону врага.

Овладев заставой Цяньхай и предав мечу десятки тысяч защитников, верховный вождь Чунцзиня Хуэрцзи преисполнился безудержной отваги. Он велел отсекать головы павших воинов Юй и вешать их на уздечки боевых коней: по количеству этих жутких трофеев варвары вели счёт воинским заслугам. Весь тот огромный обоз с провиантом и амуницией, что только что прибыл из тыла, целиком достался Чунцзиню. Пользуясь моментом, они стремительным маршем взяли штурмом ещё четыре города, отбросив линию фронта войск Юй на несколько

сотен ли к югу.

Пока Чунцзинь в лоб штурмовал Цяньхай, три других варварских племени Ху разделились на три отряда и принялись беспрестанно терзать набегами остальные границы и приграничные крепости империи Юй. Прежде у армии Юй ещё оставались силы, чтобы вести войну на несколько фронтов, но теперь, со сдачей Цяньхая, абсолютно все уцелевшие полки были вынуждены стягиваться в единый кулак, чтобы сойтись с Чунцзинем в главном, лобовом сражении.

И местом этой новой, решающей битвы суждено было стать провинции Мэнлян.

Император Ли Цзюй только-только прибыл на фронт и не успел даже предстать перед своими полками, как армия Чунцзиня преподнесла ему этот сокрушительный подарок, который он был просто не в силах переварить.

В ту злополучную ночь, когда погиб Вэй Юнь, Ли Цзюй в действительности тоже находился в лагере. Вот только его изводили невыносимые головные боли, а из-за сильнейшего пищевого отравления он несколько дней кряду страдал от непрекращающегося поноса. Он буквально не мог сойти с ночного горшка, и о том, чтобы лично встать во главе войск и руководить обороной, не шло и речи. В самый разгар ночного налёта воины гвардии Хубэнь, прикрывая отход, силой запихнули Ли Цзюя в повозку и помогли ему бежать. От бешеной скачки по ухабам и без того ноющий желудок правителя окончательно перевернулся, слуги в спешке позабыли прихватить с собой судно, и Ли Цзюй обделался прямо на шёлковые подушки экипажа.

Этот случай стал для Сына Неба несмываемым, позорным клеймом. Он леденящим душу тоном приказал сопровождавшему его личному стражнику под страхом смерти никогда и никому в мире не проговариваться об этом конфузе. Охранник лишь низко опустил голову и безучастно обронил короткое «Слушаюсь». Но созерцая своего владыку в таком непотребном состоянии, он, похоже, уже отчётливо видел, как его собственная голова летит с плеч на плахе.

Ли Цзюй вместе с главными силами армии Великой Юй отступил к Мэнляну. Наместник Мэнляна Лю Гуань изначально собирался забрать всю семью и бежать, но никак не ожидал, что застава Цяньхай не продержится и трёх дней. Очаг войны в мгновение ока переместился к Мэнляну, да вдобавок сюда явился сам Сын Неба. Замысел Лю Гуаня сбежать и бросить город под шумок полностью провалился. Ему оставалось лишь приказать жёнам и наложницам собрать ценности и уезжать глухой ночью, а сам он вместе с верными ветеранами остался оборонять город, воссоединившись с императором и основными силами Юй.

Главные силы Юй на словах насчитывали целых сто пятьдесят тысяч воинов, однако Ли Цзюй прекрасно знал, что в реальности осталось всего пятьдесят тысяч. И среди этих пятидесяти тысяч боеспособных мужчин вряд ли набралась бы даже половина. Стоит пасть Мэнляну, и следующим шагом Чунцзинь непременно захватит Гуанъян. От Гуанъяна до Жунина оставалось всего около тысячи ли, и падение Гуанъяна означало бы, что ворота столицы распахнуты настезь. С той скоростью, с которой продвигались варвары, их армия докатилась бы до Жунина меньше чем за десять дней.

От былого величия и амбиций, с которыми Ли Цзюй отправлялся в этот поход, не осталось и следа. Он наивно полагал, что сможет искусно руководить войсками и ковать победы за тысячи ли от столицы, а на поверку не успел даже ни разу лично покомандовать боем, как уже лишился важнейшей северной заставы, а следом сдал ещё четыре города.

И прямо в этот миг, когда Ли Цзюй пребывал в крайнем унынии, изнеможении и тревоге, одна за другой перед ним легли две новые военные сводки и одно тайное донесение.

В первой сводке говорилось, что три варварских племени Ху на северо-западе Великой Юй уже захватили три уезда провинции Суйчуань. С яростью и мощью тигров они развивали наступление в направлении Дунчуня, явно намерившись воспользоваться моментом, пока Сын Неба лично отбыл в поход, и нанести сокрушительный удар в пустующий тыл. Эти три племени, даже собравшись вместе, уступали по силе одной лишь коннице Чунцзиня, однако они виртуозно владели искусством чёрного колдовства и ядов, из-за чего совладать с ними было нечеловечески трудно. Нынче абсолютно все основные силы Юй были стянуты к Мэнляну, и внутри страны нельзя было наскрести больше ни единого рекрута. Рубежи Суйчуаня сейчас обороняли лишь частные воины знатных семей.

Те, кого оставили охранять поместья и дворы. Если собрать абсолютно всю суйчуаньскую гвардию вместе, не набиралось и пяти тысяч душ. И то, что они до сих пор удерживали натиск врага, было лишь заслугой их безупречного знания родной земли, но долго сопротивляться в таком положении они бы не смогли. Новый наместник Суйчуаня Янь Ан и наместник Дунчуня Чжансунь Чунь хором молили Ли Цзюя о подкреплении, требуя забрать половину из стопятидесятитысячного главного войска и отправить её на северо-запад.

Половину? Они смеют требовать семьдесят пять тысяч солдат?! - Ли Цзюй мог лишь горько и бессильно ухмыляться. Куда там семьдесят пять тысяч, он не отдал бы им и пяти тысяч воинов. Будь у него выбор, он предпочёл бы сдать и Суйчуань, и Дунчунь, всё равно эти земли давно превратились в личную вотчину Ли Яньи. Но Мэнлян совсем другое дело. Мэнлян, Гуанъян и Жунин были территориями, которые они с Се Фучэнем мёртвой хваткой удерживали в своих руках. К тому же, стоило миновать Цяньхай, и на пути больше не оставалось ни единой высокой горы или неприступного ущелья, способных сдержать врага. Эти земли были самой опасной, зияющей брешью, и Ли Цзюй ни за что на свете не уступил бы отсюда ни единого воина!

Ли Цзюй самолично начертал киноварью ответный приказ: «Застава Цяньхай пала, Мэнлян балансирует на грани гибели, войск для подкрепления нет». Дописав, он велел гонцу немедленно скакать во весь опор.

Во второй сводке докладывалось, что внутри государства вспыхнули масштабные восстания: бесчисленные толпы голодных беженцев подняли бунт, и их мятеж уже разгорелся в полную силу. Эти бунтовщики выбрали своим символом «Жёлтую землю»¹ и именовали себя «Доблестными мужами Жёлтой земли». Под предлогом «грабежа богатых ради спасения бедных» они устраивали массовые погромы, разбои и убийства в нескольких крупнейших городах Великой Юй. Эти погромщики объявились даже в самом Жунине, устроив поджоги и грабежи на Восточном и Западном рынках. Стражники Цзиньувэй пускали в ход все силы, чтобы подавить бунт, однако ряды «Доблестных мужей» стремительно множились с каждым часом. Бесчисленные люди уже давно до самых краёв были преисполнены глухой, яростной злобы на правящую семью, и теперь, обретя долгожданный выход для этой ярости, они пустились во все тяжкие, напрочь растеряв всякий страх.

¹Хуанту (кит. 黄土, пиньинь huángtǔ) - это лёсс, тип рыхлой осадочной горной породы желтовато-серого цвета, состоящей преимущественно из пылеватых частиц. В более широком географическом контексте это слово является названием знаменитого Лёссового плато в Китае.

У Ли Цзюя от этих новостей голова шла кругом. Он наложил на свиток одну-единственную

краткую резолюцию: «Казнить», и у него больше не осталось ни малейшего желания вникать в эти дела.

Но сильнее всего его удручало и тревожило тайное донесение, присланное Се Фучэнем. В записке сообщалось, что стоило Ли Цзюю покинуть столицу, как Вэй Лунь тут же вернулся в строй. Объединившись с Чжансунь Яо, они подали совместную жалобу с обвинениями против Янь Чжэня. Свои свитки они направили напрямую Вдовствующей Императрице Гэн, полностью обойдя Се Фучэня, который официально исполнял обязанности регента. Вдовствующая Императрица Гэн, ознакомившись с доносом, перепоручила дело Ли Яньи, предоставив той право вынести окончательный вердикт. Ли Яньи единым махом навесила на Янь Чжэня шестьдесят пять тяжчайших преступлений, заявив, что должность шаншулина была выменена и присвоена им обманом, а потому по своему реальному чину он недостоин даже стен императорской тюрьмы, и велела бросить его в обычную общую тюрьму. Не прошло и двух дней, как Янь Чжэнь начал взывать о несправедливости, а весь его род уже приговорили к поголовной казни.

Ради этого указа Вдовствующая Императрица Гэн лично вручила Ли Яньи Императорскую нефритовую печать, уполномочив её всецело руководить делами двора. Весь клан Янь Чжэня, включая наложниц и слуг, сгинул без суда и следствия, и Се Фучэню ничуть не помогла даже личная печать, вверенная ему императором. Могущество Императорской нефритовой печати в руках Ли Яньи на много голов превосходило его регентские полномочия, и Се Фучэня в итоге бесцеремонно, прямо посреди утреннего съезда выставили вон из дворца Тайцзи.

Ли Яньи воспользовалась отсутствием Ли Цзюя в Жунине, чтобы развернуть бешеное, безудержное поглощение власти, и в тесном союзе со Вдовствующей Императрицей Гэн стремительным, молниеносным натиском вырезала враждебные группировки. Се Фучэнь ныне был вынужден притвориться тяжелобольным и запереться в своём поместье в надежде переждать эту бурю, уповая лишь на то, что Ли Цзюй как можно скорее вернётся в столицу и заберёт бразды правления обратно в свои руки.

От этих вестей у Ли Цзюя всё внутри перевернулось от дикой ярости, и он зашёлся в приступе яростного кашля, едва не харкая кровью.

Будь то варварские орды Ху или восставшие местные, все они до единого ничем не отличались от Ли Яньи: это были лютые волки и шакалы, алчно зарившиеся на Нашу Поднебесную!

Ли Цзюю нельзя было долго оставаться в Мэнляне. Ему требовалось сойтись с врагом лицом к лицу, разделаться с ним одним сокрушительным ударом и прогнать Чунцзинь обратно в их бесплодные северные степи!

В ту же ночь он срочно созвал к себе тайшоу Мэнляна Лю Гуаня, вновь назначенного генерала Ван Вэя, генерала Хэ Яньяня, а также всех расквартированных воевод, полководцев средней гвардии и центральных военных инспекторов, чтобы распланировать тактику обороны крепостных стен.

- На самом деле Ли Цзюй изрёк чистейшую правду: наши главные силы нельзя дробить на части. Даже если Суйчуань и Дунчунь падут под натиском врага, а три варварских племени Ху вознамерятся прорваться с севера вглубь Юй, на их пути встанет непреодолимый природный заслон, хребет Суйдун, преодолеть который невероятно трудно. Но даже если они умудрятся перевалить через эти скалы, перед ними раскинется провинция Пинцан, способная сдержать любой удар. Пинцан - это важнейший военный округ Великой Юй, где к тому же обосновалось великое множество знатных родов, и сокрушить его оборону нахрапом у них ни за что не

получится. А вот с Мэнляном всё иначе. Этот город мы обязаны отстоять кожей и зубами. Мэнлян пока ещё защищают высокие каменные стены и глубокие рвы с водой, но расположенный чуть южнее Гуанъян раскинулся прямо посреди голой равнины, и варвары сломают его оборону в мгновение ока. А потому местом главного, решающего сражения может стать исключительно Мэнлян.

Посреди глухой ночи Чжэнь Вэньцзюнь сидела у костра и, лениво жуя сухую, чёрствую паровую лепёшку, обломком ветки выводила на песке очертания топографической карты Великой Юй.

Особенности рельефа и ландшафт Поднебесной она умела чертить ещё в трёхлетнем возрасте, а к пяти годам без труда могла указать точное расположение каждого горного хребта, речной артерии и пограничной заставы. Матушка в своё время собственноручно вывела для неё карту Великой Юй на куске старой древесной коры и, собрав несколько обычных камешков, часами разыгрывала с дочерью военные баталии. Это были её самые первые уроки «тактических игр на бумаге».

После того крошечного кошмара у заставы Цяньхай Чжэнь Вэньцзюнь вместе с остатками разбитых полков отступила к Мэнляну. На всём этом долгом пути ей не просто не представилось ни единого удобного случая, чтобы подобраться и заколоть Ли Цзюя, она сама едва не рассталась с жизнью. Несколько ночей кряду она не могла сомкнуть глаз. Стоило ей закрыть веки, как перед её мысленным взором с ходу вставали несущиеся кони, свистящие палаши, отрубленные головы и вывалившиеся наружу человеческие внутренности, лишая её сна и покоя. Спустя десять дней к ней наконец вернулся хоть какой-то аппетит. Раздобыв где-то паровую лепёшку, которая по твёрдости могла поспорить с диким гранитом, она устроилась на песке, сию же минуту отрёшенно проанализировать общее положение дел на фронте.

Что же касается военных сведений, то их она крупнее за крупницей почерпнула чуть ранее, когда ходила подносить хмельное снадобье для центральных военных инспекторов, сумев подслушать обрывки их разговоров. В былых матушкиных повестях постоянно рассказывалось о сметливых рядовых воинах, которые обожали спаивать главных, чтобы выуживать ценные новости и в тайне выстраивать гениальные планы, дабы в один прекрасный день явить миру свой триумф и поразить окружающих.

Должность военного инспектора являлась ключевым звеном в сборе информации: именно к ним стекались абсолютно все донесения с передовой, прежде чем уйти в штабы. Местные инспектора поголовно были неотёсанными, грубыми вояками, и милостивый, безупречный облик Чжэнь Вэньцзюнь пришёлся им весьма по вкусу. Всякий раз, когда Вэньцзюнь приносила им вино, никто не думал гнать её взашеи, она безмолвно продолжала подливать хмельное в чаши, задерживаясь в шатре настолько, насколько это было возможно. И чем дольше ей удавалось там пробыть, тем больше бесценных военных тайн ей удавалось выкрасть.

Вот только в её нынешнем, самом низшем и ничтожном статусе рядового воина из женского полка подобраться к Ли Цзюю на расстояние удара было делом абсолютно невыполнимым. За все эти долгие дни ей довелось лишь дважды мельком, издали услышать его громогласные речи перед полками. Стоило императору закончить смотр, как она понятия не имела, в каком именно штабном округе располагался его личный шатёр. При таком раскладе о каком вообще покушении могла идти речь?

К тому же в мыслях Чжэнь Вэньцзюнь было вовсе не одно лишь банальное покушение на Ли Цзюя. Ныне в Великой Юй мужчин на службу набрать было нечеловечески трудно, и раз уж ей представился редкий шанс внедриться в армейские ряды, чтобы в будущем одним

сокрушительным ударом повергнуть Се Фучэня, ей надлежало использовать каждую минуту ради обучения и накопления опыта.

Она увлечённо анализировала вслух текущее положение дел, совершенно не заметив, как со спины к ней кто-то тихонько подкрался, намеренно скрадывая шаги. Незнакомец с силой шлёпнул её ладонью по плечу, отчего Вэньцзюнь так вздрогнула, что выронила паровую лепёшку из рук прямо на песок.

- Ты чем это тут занимаешься? - девица по имени Чжун А-Си бесцеремонно устроилась рядом с ней на земле. Подняв упавшую лепёшку, она небрежно отряхнула её от грязи и преспокойно продолжила уплетать за обе щеки. - Что ты тут чертишь? Карту?

- Угу... - из всей той партии новобранцев женского полка, что вместе с Чжэнь Вэньцзюнь прибыли на передовую, в живых осталось всего несколько человек, и А-Си была одной из них. Сама А-Си уверяла, будто она дочь простого дровосека, и якобы с малых лет только и делала, что рубила хворост да таскала тяжёлые бревна, отчего в её руках и ногах скопилась недюжинная сила. Да вот только умом она уродилась, увы, на редкость нерасторопным. Во время того крошечного ужаса у заставы Цяньхай она просто растянулась на земле среди мертвецов, притворившись трупом, и лишь благодаря этому чудом уцелела в резне. Вот только её левую ногу нещадно растоптал боевой конь варваров.

Чжэнь Вэньцзюнь тогда самолично обработала и перевязала ей рану, но в суровых условиях фронта увечье А-Си затягивалось черепашьими темпами, и девица повсюду ковыляла, опираясь на толстый сук. При всём этом она ничуть не унывала и целыми днями таскалась со своей сломанной ногой по всему лагерю, во всеуслышание хвастаясь, что ещё покажет себя в битве с врагом. Она постоянно навязывалась вечно погружённой в мрачные думы Чжэнь Вэньцзюнь, без умолку болтая о всяких пустяках, да к тому же необычайно громким голосом. Вэньцзюнь эта особа изрядно докучала, общаться с ней не хотелось, и лазутчица при каждой встрече лишь лениво отмахивалась от неё дежурными фразами.

А-Си восторженно охнула:

- Вэньцзюнь! Да ты просто превосходна! Это Мэнлянь? А вон там Жунинь! Ого! Как же безупречно у тебя выходит!

Чжэнь Вэньцзюнь, не вынося её громогласных воплей, единым взмахом руки стёрла набросок с песка и уже поднялась, собираясь уходить.

- Вот только с рельефом горных вершин Мэнляня ты немного промахнулась. На самом деле у той горы Цаньсаньфэн всего два пика, а вовсе не три, - прямо перед тем, как Чжэнь Вэньцзюнь успела сделать шаг, неожиданно бросила А-Си.

Вэньцзюнь мгновенно застыла как вкопанная и в глубоком изумлении обернулась к ней. А-Си всё так же с самым простоватым, даже слегка глуповатым видом сидела на земле и лукаво улыбалась ей.

- Ты говоришь, у Цаньсаньфэн всего два пика? Да как такое возможно... Будь там две вершины, с чего бы её вообще прозвали Горой Трёх Пиков? - недоверчиво спросила Чжэнь Вэньцзюнь.

Сидевшая на песке А-Си, прожевав кусок лепёшки, хлопала себя по здоровой ноге и самым обыденным тоном пояснила:

- Ну, больше десяти лет назад пиков действительно было три. Вот только одна из этих скал

была сплошь усыпана природным магнитным камнем, что ужасно мешало скрытным манёврам войск, и её попросту сровняли с землёй. Говорят, все эти магнитные валуны стащили и сбросили в глухое, заброшенное ущелье Гуйсиньгу, так что нынче от горы осталось всего две вершины.

- Откуда тебе вообще известны такие вещи? - Чжэнь Вэньцзюнь пристально разглядывала А-Си. Та была сложена на редкость крупно и грубо, во многом напоминая Сяохуа в их самую первую встречу. Разве что ростом и мощностью до великанши немного не дотягивала. И подумать было нельзя, что эта девица столь сильна в исторических мудростях.

А-Си зыркнула на неё:

- Мне? Мы с отцом круглый год пропадали в лесах, рубили хворост, а заодно выискивали редкие горные дары. За вязанку дров много не выручишь, а вот за диковинные горные сокровища торговцы платят щедро. Чтобы заработать побольше монет, мы с отцом исходили чуть ли не все горы и ущелья на просторах Поднебесной, оттого я всё это и знаю.

- Ты... исходила все горы и ущелья империи? - Чжэнь Вэньцзюнь не верила собственным ушам.
- Неужели ты помнишь в деталях весь нынешний рельеф и ландшафт земель Великой Юй?

- Ну да, - А-Си наконец заглотила последний кусок лепёшки и, прижав ладони к исхудавшему, пустому животу, с мукой в голосе протянула:

- Всё ещё есть охота...

Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно вцепилась в её плечи, готовая теперь пылинки с неё сдувать и носить на руках:

- Хочешь ещё лепёшек? Я сейчас же принесу тебе! Только сиди здесь и никуда не уходи!

- Честное слово? - при упоминании еды глаза А-Си ярко блеснули.

- Истинная правда! Жди меня! Прямо на этом самом месте! - ещё несколько раз строго-настрого наказав ей не двигаться, Чжэнь Вэньцзюнь во весь опор помчалась к шатру, где хранился провиант. Стоявший в карауле у зернового обоза парень по имени Цзян Эрлан не мог даже стоять прямо, без конца зевая во весь рот. Едва услышав шаги, он поспешно встрепенулся, выпрямил спину и, разглядев, что к палатке бежит Чжэнь Вэньцзюнь, тяжело вздохнул и с явным недовольством проворчал:

- Госпожа Чжэнь! Не могли бы вы в следующий раз подходить ко мне хоть с каким-то шумом? А то несётесь как тень! Я чуть дух от страха не испустил!

Чжэнь Вэньцзюнь подошла ближе, по-воровски огляделась по сторонам и незаметно сунула ему в руку несколько мелких серебряных монет.

Цзян Эрлан молниеносно спрятал серебро в широкий рукав, заговорщически приподнял брови и перешёл на шёпот:

- Ну что, ещё парочку паровых лепёшек?

Чжэнь Вэньцзюнь без лишних слов шагнула прямо в палатку, сгребла в охапку целых десять лепёшек и направилась к выходу. Цзян Эрлан в панике ухватил её за локоть:

- Госпожа Чжэнь! Нельзя так, нельзя! Провианта и так мало...

Чжэнь Вэньцзюнь тут же всунула ему в ладонь большой серебряный слиток. Караульный оказался в полнейшем замешательстве, но против такого подкупа устоять не смог и в итоге был вынужден отпустить её с миром.

- Держи, - вернувшись, она вывалила все десять лепёшек перед А-Си. У девицы аж глаза округлились от изумления:

- Ого, Вэньцзюнь! Ну ты и сильна, умудрилась раздобыть столько еды! Пребольшое тебе спасибо! - на последних словах А-Си уже всю орудовала челюстями, набив рот до отказа и чавкая.

Чжэнь Вэньцзюнь попросила её не спешить и не давиться, и пока А-Си во всех деталях расписывала ей особенности рельефа в окрестностях Мэнляна, лазутчица раз и навсегда зареклась судить о людях по их внешней невзрачности.

Едва А-Си закончила свой рассказ, как в голове Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно созрел чёткий стратегический план. Ныне огромная армия Чунцзиня взяла город в плотное кольцо осады и могла пойти на штурм в любую минуту. Однако Мэнлян отличался исключительно выгодным, защищённым ландшафтом, и взять его напролом было невероятно трудно, к тому же на бумаге оборону стен держало целое стопятидесятитысячное войско. Даже если вождь варваров Хуэрцзи и славился безумной отвагой, сломя голову штурмовать такие укрепления он бы не решился. А значит, для контратаки наступил самый идеальный момент.

Матушка в детстве рассказывала ей о точно такой же битве при заставе Пингуань. Там тоже огромное вражеское войско обложило город со всех сторон, и крепость точно так же была на редкость неприступной. Вот только защитников в стенах тогда было совсем мало, меньше пяти тысяч душ. В ту пору командовавший обороной наместник предпочёл запереть ворота и стоять насмерть. Как бы враги под стенами ни исходили яростной бранью и ни вызывали на бой, он не вывел ни единого ратника для лобовой битвы, удерживая глухую осаду больше двадцати дней. Дождавшись, когда у неприятеля полностью иссяк провиант, а сами они изнемогли от голода и стужи, воевода под покровом ночи выслал из города отряд из пятисот лёгких всадников, который совершил глубокий рейд и начисто перерезал тыловые артерии снабжения врага, а следом распахнул крепостные ворота и обрушил на лагерь неприятеля всю мощь основных сил.

Шестидесятитысячная отборная армия захватчиков бросилась в бегство без боя и была вырезана до единого человека. Та битва во времена правления императора У стала самым знаменитым триумфом, где победа была одержана несопоставимо меньшими силами. В детстве Вэньцзюнь безумно обожала этого пронцательного воеводу, ведь матушка в красках расписывала, насколько тот был красив и умён.

Теперь Мэнлян угодил точно в такую же ловушку истории. К тому же чунцзиньцы наступали слишком стремительно, их авангард летел вперёд без оглядки, и, сокрушив Цяньхай, варвары не дали себе ни минуты отдыха, всего за три дня добравшись до Мэнляна. Какими бы свирепыми ни были эти пожиратели сырого мяса, они оставались обычными смертными, и к сегодняшнему дню их силы были окончательно истощены маршем. Тяжёлые повозки с зерном физически не могли поспевать за такой бешеной скачкой коней. Стоило сейчас выделить всего одну тысячу лёгких конников, перехватить тыловой обоз и оставить чунцзиньскую армию без провианта, как очень скоро варвары ослабнут от голода настолько, что не смогут ни меча поднять, ни в седло взлететь.

А-Си поведала ей бесценную, важнейшую деталь: пусть дорога от Цяньхая до Мэнляна и была довольно ровной, но для тяжёлых повозок пригоден был лишь один-единственный путь. И пролегал он по узкому горному карнизу, который идеально подходил для обустройства засады. Перекрыть там снабжение и запереть врага в тиски можно было со стопроцентной точностью.

Если чётко следовать этому плану, не пройдёт и месяца, как непобедимая конница Чунцзинь будет полностью сокрушена и обращена в бегство.

Чжэнь Вэньцзюнь полагала, что эти высокопоставленные сановники, держащие оборону Мэнляна, будучи военачальниками Великой Юй, наверняка досконально знают историю битвы при заставе Пингуань и ни за что не станут опрометчиво бросаться в бой. Кто же мог знать, что дальнейшие события пойдут по совершенно немыслимому, катастрофическому пути, полностью опрокинув все её ожидания.

Вождь варваров Хуэрцзи прознал, что Ли Цзюй укрывается прямо в городе, а потому призвал нескольких переметнувшихся на его сторону пленных генералов Юй и велел им во весь голос поливать императора самой гнусной бранью. Они поносили императора, начиная с его происхождения и заканчивая личными покаями, вопя, будто он держит в Запретном городе три тысячи наложниц, но не прикасается к ним, поскольку мужское бессилие лишило его дееспособности, и Ли Цзюю самое время сменить имя на Ли Немощный. Вдобавок они вовсю орали, как безумно он испугался Хуэрцзи, бросая города и улепётывая прочь с полными штанами испражнений, прямо полное форменное трусливое ничтожество. И если он прямо сейчас сдастся на милость победителя, Хуэрцзи, так и быть, сохранит ему жизнь, сделав своим личным наложником, и уж вождь Чунцзиня одарит его лаской как надо.

Все эти вульгарные, грязные оскорбления по чистой случайности угодили в самую кровоточащую рану Ли Цзюя, приведя его в неопишное неистовство. Сгорая от ярости, он приказал Лю Гуаню немедленно распахнуть крепостные ворота, он самолично встанет во главе полков и сокрушит обнаглевших дикарей!

Лю Гуань от этого приказа едва не лишился чувств от страха. Он отчаянно принялся умолять императора не поддаваться на провокацию, уверяя, что пусть эти нечестивые варвары орут сколько им вздумается, это всё пустая брань, лишь сотрясение воздуха, и от неё от тела не убудет. Ли Цзюй, чьи глаза налились багровой кровью от гнева, выместил всю свою ярость на Лю Гуане, велел выволочь наместника во двор и всыпать ему двадцать ударов палкой. Мало того что Лю Гуань и так таил в душе глубокую обиду на Сына Неба, так теперь его, честно предложившего верную тактику, ещё и жестоко избили. Сгорая от злобы и досады, он под предлогом внезапной, смертельной болезни заперся в своём поместье и наотрез отказался показываться наружу.

В то же время генералы Ван Вэй и Хэ Яньянь, оказавшись запертыми в одном Мэнляне, с самого начала нарушили военное негласное табу. Оба они носили равные высокие ранги и оба привыкли единолично принимать решения. Столкнувшись в одном штабе, они сцепились в яростном споре: один требовал немедленно атаковать, другой стоять в глухой обороне. Ван Вэй упрямо доказывал, что опасность грозит не только Мэнляну, вся Великая Юй уже вовсю полыхает в огне восстаний, в то время как абсолютно все основные силы зажаты в этих стенах. Если продолжать пассивно сидеть в осаде, империя Юй погибнет в тылу гораздо раньше, чем падёт Мэнлян. Он настаивал на массированном применении снарядов с горючим маслом (зажигательные бомбы), чтобы одним стремительным ударом покончить с Чунцзинем и увести войска на выручку столице.

Хэ Яньянь категорически не соглашался с его доводами. Сейчас армия Чунцзиня обложила

город плотным кольцом, силы сторон были слишком неравны, и в любовой встрече никакие зажигательные снаряды не смогли бы переломить ход боя. Стоило распахнуть ворота, и лавина чунцзиньской конницы хлынула бы внутрь, и тогда Мэнлян пал бы в считанные мгновения.

Их спор не утихал, но в финале, поскольку Ван Вэй по табели о рангах стоял чуть выше Хэ Яньня, да к тому же за его спиной стоял сам обезумевший от гнева Ли Цзюй, полки начали спешную подготовку зажигательных бомб для открытого штурма.

Узнав об этом приказе, Чжэнь Вэньцзюнь едва с ума не сошла от тревоги. Она во что бы то ни стало рвалась на приём к Ван Вэю, чтобы крикнуть ему в лицо, что открывать ворота - это верное самоубийство!

Вот только кем она была? Обычной бессловесной песчинкой в армейском строю, рядовым воином из женского ополчения. Не то что Ван Вэй её слушать не стал, даже караульные войны просто скрестили перед её грудью два длинных палаша и бесцеремонно выставили взашеи, так что она и порога штаба переступить не смогла.

- Генералы ведут обсуждение важнейших военных тайн, посторонним вход воспрещён!
Ослушавшихся ждёт кара по всей строгости военных законов!

Чжэнь Вэньцзюнь оставалось лишь бессильно изнывать от метаний. На её глазах один за другим зажигательные снаряды с помощью катапульта со свистом полетели со стен, обрушиваясь прямо в плотные, нескончаемые ряды чунцзиньских войск. Первая волна бомб действительно собрала обильную кровавую жатву, однако, когда началась вторая атака, гибкая и манёвренная вражеская конница уже приноровилась к обстрелу. Всадники легко и изящно уводили коней из-под ударов. И прямо в этот миг крепостные ворота с тяжёлым гулом распахнулись настежь, и наружу, прикрываясь монолитной стеной тяжёлых щитов, ринулись пехотинцы Юй, а следовавшие сразу за ними копейщики выставили вперёд длинные пики, готовые разить врага. На вершинах стен бесчисленные лучники и арбалетчики натянули оружия, и ливень стрел плотной стеной обрушился на вражеские порядки.

Однако чунцзиньские всадники использовали коней как живой таран. Боевые скакуны со всего маху врезались в стену тяжёлых щитов, а сидевшие в сёдлах варвары, оттолкнувшись от спин лошадей, одним безумным прыжком перелетали через заслон, обрушиваясь прямо на головы растерявшейся пехоты. Завязалась беспощадная рукопашная битва на кратчайшей дистанции. Войны Великой Юй ростом уступали мощным, рослым чунцзиньцам на целую голову: варварам достаточно было нанести три сокрушительных удара кулаком в лицо, чтобы боец Юй замертво или без чувств валился на землю.

В считанные минуты на поле перед воротами всё смешалось в одну безумную, кровавую кашу. Если бы катапульти со стен продолжили метать горячее масло, снаряды заживо сожгли бы их собственных солдат. Если же прекратить обстрел, город было бы не удержать. Командование Юй вмиг угодило в безвыходный, тупиковый капкан.

Генерал Ван Вэй лично, оседлав коня, ринулся в самую гущу боя. Прорвавшись за ворота, он успел собственноручно снести головы нескольким варварам.

Заметив его на поле боя, вождь Чунцзиня Хуэрцзи с диким, торжествующим рёвом устремился навстречу, желая сойтись с ним в смертельном поединке.

Ван Вэй по праву считался закалённым в боях, свирепым и опытным воеводой. Однако перед сверхъестественной, сокрушительной отвагой Хуэрцзи он не смог продержаться и десяти выпадов: варвар могучим ударом вышиб его из седла, а копыта несущихся следом

чунцзиньских коней в несколько ударов растоптали генерала, и тот, захлебнувшись багровой кровью, испустил дух прямо в грязи.

Хуэрцзи победоносно воздел оружие к небу, и с этим призывным кличем лавина Чунцзиня хлынула прямо в распахнутые ворота Мэнляна.

У Чжэнь Вэньцзюнь от этого зрелища потемнело в глазах. Сорвавшись с места, она полетела прочь, словно ветер подхватил её ноги.

Для неё началось очередное, безумное и полное смертельного ужаса бегство ради спасения жизни.

<http://bllate.org/book/17227/1725316>